

На правах рукописи

Бессуднов Даниил Александрович
БАЛТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА
ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ В СЕРЕДИНЕ XVI В.

специальность 07.00.03 – всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург, 2018

Работа выполнена на кафедре истории славянских и балканских стран института истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Санкт-Петербургский Государственный университет».

Научный руководитель: **Филюшкин Александр Ильич,**

доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор

Официальные оппоненты: **Пенской Виталий Викторович,**

доктор исторических наук, доцент, Федеральное Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», профессор

Эйльбарт Наталья Владимировна,

доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», профессор

Ведущая организация:

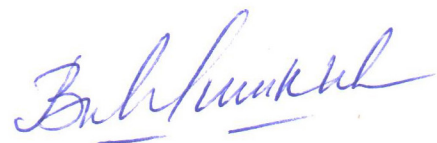
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Защита состоится «21» марта 2018 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.71, созданного на базе Санкт-Петербургского Государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

С диссертацией можно ознакомиться на сайте Санкт-Петербургского Государственного университета по адресу www.disser.spbu.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Шишкин В. В.

Общая характеристика работы

С конца XV в. Ливония стала объектом пристального внимания государей Великого княжества Литовского, Короны Польской, Дании, Швеции и России, которых привлекали её выгодное стратегическое положение, важная роль в международной балтийской торговле и богатые земельные ресурсы. Каждая из сторон стремилась приобрести контроль над данным регионом, параллельно препятствуя утверждению в нем держав-конкурентов.

Однако возможности прямой вооруженной экспансии со стороны католических государств, к числу которых относились объединенные унией Польша и Литва, были немало ограничены статусом Ливонии как «крестоносного государства», которое со времен крестовых походов находилось под защитой двух самых влиятельных политических институтов католической Европы – папы римского и Священной Римской империи германской нации. Прямой захват Ливонии поставил бы под удар внешнеполитическое положение Польско-Литовского государства и привело бы к утрате папских милостей, которые его государи, находившиеся на переднем фронте борьбы с турецкой угрозой, регулярно получали. Вдобавок, это привело бы к обострению отношений с Империей, которые и так находились не в лучшем состоянии из-за инкорпорации в Польскую Корону Пруссии. По этой причине Ягеллоны прибегли в борьбе за Ливонию к особой форме политической экспансии, которая не нарушала или, по крайней мере, создавала видимость сохранения папских и императорских прерогатив, и при этом позволяла им постулировать себя в качестве их законных исполнителей. Видимость неизменности статуса Ливонии позволяла нейтрализовать потенциальную угрозу на начальном этапе включения Ливонии в сферу влияния польско-литовских государей, чему немало помогал особый политико-правовой концепт, согласно которому они выступали в качестве протекторов и консерваторов государств Ливонской конфедерации. Он возник еще в XIV в., однако в полной мере оказался востребованным правителями Польско-Литовского государства только в XVI в., когда Ливония превратилась в главный объект «битвы за Балтику», в которой участвовали также Польша и Литва. Кроме этого, в этот период для этих государств особую актуальность обрела проблема урегулирования конфликтных ситуаций по поводу литовско-ливонской границы посредством её демаркации на условиях литовской стороны. Главной темой данного исследования является изучение сущности политико-правового концепта протекторства, позволявшего Ягеллонам на законном основании вмешиваться в ход внутренней политики Ливонии; его истории, а также трансформации протекторства в один из самых важных инструментов инкорпорации земель Ливонской конфедерации в состав Польско-Литовского государства.

Актуальность и научная новизна заявленной темы определяются следующим:

Во-первых, интересом, который современная историческая наука проявляет к проблемам государственного строительства, различным видам политической интеграции, проблемам экспансии, а также процессу формирования государств-уний и государств имперского типа со сложным национальным и этническим составом;

во-вторых, вниманием историков к историческому развитию государств Балтийского региона и их взаимоотношений, особенно в периоды внешнеполитических кризисов, среди которых Ливонская война и предшествующий ей период занимают одно из самых значимых мест;

в-третьих, малой степенью изученности внутреннего состояния государств Ливонской конфедерации накануне утраты независимости, а также характера её взаимоотношений с Польско-Литовским государством;

в-четвертых, малой изученностью такой политико-правовой формы межгосударственных отношений

как протекторство, а также механизма его трансформации в отношении подданства, что имело место в случае с инкорпорацией Ливонии в состав Польско-Литовского государства;

в-пятых, введением в оборот новых источников, в том числе фонда герцогских посланий (Herzogbriefarchiv, НВА) в Тайном Государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине (Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz).

Объект исследования: политика Польско-Литовского государства в отношении государств Ливонской конфедерации накануне и в начальный период Ливонской войны (до 1561 г.).

Предмет исследования: политика Сигизмунда II Августа, направленная на присоединение государств Ливонской конфедерации к Польско-Литовскому государству посредством средневековой правовой концепции протекторства, которая возникла в имперской политической практике, но была приспособлена для нужд Польско-Литовского государства в качестве средства легитимизации властных притязаний короля польского и Великого князя Литовского в отношении Ливонии.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают временной промежуток с 1529 по 1561 г., с момента первого случая использования идеолого-правового концепта протекторства польским королем Сигизмундом I в его ливонской политике и до заключения Второго Виленского соглашения, юридически оформившего переход Ливонии под персональную юрисдикцию (протекцию) Сигизмунда II Августа, что знаменовало её инкорпорацию в состав Польско-Литовского государства. Однако, обозначенная хронология будет несколько расширена, чтобы продемонстрировать историю возникновения и развития польско-литовского протекторства. Предполагается выявить первоначальное содержание понятий «консерватор» и «протектор» в момент их появления в XIV в., видоизменение этой правовой концепции во второй четверти XVI в. и обстоятельств окончательной трансформации в отношении подданства, скрепленные договором в Вильно в 1561 г.

Степень разработанности темы

Впервые проблема взаимоотношений Польско-Литовского государства с Ливонской конфедерацией была затронута в польской и немецко-прибалтийской историографии XIX – начала XX вв., где она рассматривалась в контексте борьбы за Прибалтику, развернувшейся в XVI в. (Й. Шуйский, А. Левицкий, И. Лелевель, С. Карвовский, А. Шеленговский, Л. Арбузов, Г. Мантойфель, О. фон Рутенберг, А. фон Рихтер, Т. фон Шиман). В ней внимание польского короля к Ливонии традиционно объяснялось желанием противодействовать усилению Москвы и укреплению ее позиций в балтийской политике. Частично этот вопрос затрагивал в своей работе Г. В. Форстен, объяснявший активизацию политики Ягеллонов в отношении Ливонии противодействием распространению Реформации Балтийском регионе.

Картину взаимоотношений Польско-Литовского государства с ближайшими соседями дополнили вышедшие в начале XX в. монография Я. Натансон-Леского, посвященная проблеме образования восточных границ Литвы, а также специальная работа С. Кутшебы, заложившая тенденцию к рассмотрению ливонской политики Ягеллонов в контексте развития взаимоотношений между частями униатского Польско-Литовского государства. Начиная с 30-х годов XX в. заметен значительный рост интереса исследователей к истории Балтийского региона и вопросам экспансии в целом. В этот период увидели свет работы польских историков Й. Ясновского, К. Лепшего, В. Конопчинского, В. Чаплинского, Я. Олевника. Большой вклад в изучение развития ливонского конфликта внесли скандинавские исследователи К. Расмуссен и Э. Тибберг, которые подняли вопрос об экономических интересах Польско-Литовского государства в восточной Прибалтике. Изучению предпосылок Ливонской войны, включая мотивы действий Польской Короны и Литвы, также

посвящены работы Н. Ангерманна, С. Хартманна, Т. Ланге и В. Урбана.

Среди работ советского периода в первую очередь стоит отметить монографию В. Д. Королюка, в которой автор представил весьма полную событийную канву Ливонской войны 1558-1583 гг. и даже затронул проблему протекторства Сигизмунда II Августа над Ливонией, впрочем, так и не раскрыв предыстории и сущности этого политико-правового концепта. Стоит также отметить совместную работу А. А. Зимины и А. Л. Хорошкевич, посвященную истории правления Ивана IV Грозного, которая дополняет концепцию В. Д. Королюка, развивая идею торговой блокады России как определяющей причины развернувшейся в XVI в. борьбы за Ливонию. Советские историки (Р. Ю. Виппер, И. И. Полосин, Я. Я. Зутис и другие) в целом разделяли эту позицию, которая в настоящее время пересматривается.

Среди современных исследований Ливонской войны видное место занимает объемная монография А. И. Филюшкина, посвященная конструированию самой идеи Ливонской войны в отечественной и зарубежной историографии, а также значительное количество его статей, освещающих отдельные аспекты ливонского конфликта. В качестве вспомогательного материала, позволяющего расширить представления о Старой Ливонии и ее отношениях с соседями было использовано исследование М. Б. Бессудновой, освещающее русско-ливонские отношения в XV в. Нельзя не отметить монографию белгородского историка В. В. Пенского, в которой автор весьма подробно и содержательно осветил военную историю борьбы за Ливонию в XVI в., придерживаясь концепции о недопустимости объединения разнородных по своему характеру конфликтов на Балтике в единую «Ливонскую войну».

В современной историографии следует также отметить исследования польских историков Х. Ловмянского, К. Петкевича, Х. Люевича, А. Рахуба, Г. Блашика, А. Закшевского, Я. Виячки в которых рассматривалась проблема вмешательства короля Сигизмунда II Августа во внутренние дела Ливонии еще до начала Ливонской войны, в период «войны коадьюторов» (1556-1557). Особо стоит выделить работу литовского историка В. Станцелиса, в котором автор представил историографический срез исследований инкорпорации ливонских земель в состав Польско-Литовского государства. Интерес представляют статьи Ю. Хайде, освещающие влияние ливонского вопроса на положение дел внутри Польско-Литовского государства, а также мероприятия в ливонских землях после заключения Виленского договора. Нельзя не отметить также достижения белорусских историков, среди которых видное место занимает также монография А. Н. Янушкевича, в которой представлен весьма обстоятельный анализ участия Великого княжества Литовского в борьбе за ливонское наследство, а также работа А. И. Дзярновича, в которой обстоятельно рассматриваются сохранившиеся источники, касающиеся взаимоотношений Великого княжества Литовского и Ливонии. Тем не менее, несмотря на большое число исследований, посвященных Ливонской войне и её предыстории, на данный момент в исторической науке нет специального исследования по истории взаимоотношений Польско-Литовского государства с Ливонской конфедерацией. И несмотря на позитивную тенденцию последних лет к переосмыслению существующих концепций, комплексное рассмотрение сущности идеолого-правового концепта протекторства и его значения в ходе подготовки и реализации инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства до сих пор отсутствует.

Целью данного диссертационного исследования является изучение механизма поглощения части ливонской территории Польско-Литовским государством на начальном этапе Ливонской войны. Это глобальная проблема включает в себя ряд задач:

1. Определить характер отношений Литвы и Польши с государствами Ливонской конфедерации в канун Ливонской войны и на начальном её этапе;

2. Проанализировать сущность ливонско-литовских противоречий и форм их разрешения в рамках ливонско-литовской договорной практики;
3. Изучить возникновение концепта протекторства в рамках имперского правового поля и режима их функционирования в ливонской политике польских королей Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа;
4. Выявить роль герцога Прусского Альбрехта Бранденбургского в видоизменении смыслового содержания концепта протекторства;
5. На примере событий 1529-1530 гг. и 1556-1557 гг., связанных с так называемым «коадьюторским делом», установить взаимосвязь трансформации протекторства с развитием внутрививонских политических противоречий;
6. Определить влияние на изменение сущности протекторства военного конфликта Ливонии с Россией 1558-1561 гг.;
7. Отобразить воздействие этого концепта на содержание второго Виленского договора 1561 г., установившего зависимость Ливонии от польско-литовского государства.

Источники.

Основу для данного исследования составляют письма и копии нормативных актов из фонда Герцогских посланий (Herzog-Briefarchiv) Тайного государственного архива прусского культурного наследия, находящегося в Берлине. Наряду с материалами Herzog-Briefarchiv был привлечен актовый материал фонда Livonica I, находящегося в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet, RA) в Стокгольме. Широкий спектр разнородных источников по теме настоящего исследования представлен в сборниках документов по истории Ливонии середины XVI в., опубликованных К. фон Ширреном и Ф. Бинеманном. Значимое место занимают также материалы сборника «Acta Tomiciana», содержащего в себе большое количество эпистолярных памятников, а также дипломатических документов. В данном исследовании использована также дипломатическая документация из издания «Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae», материалы дипломатической переписки сборников «Monumenta Livoniae Antiquae» и «Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen Asverus von Brandt». Кроме того, в данной работе использован нарратив различного происхождения и содержания, в частности, материалы зарубежных хроник и русских летописей.

Обширный пласт материала, касающийся договоров Ливонии с Польско-Литовским государством представлен в многотомном сборнике «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten». Отдельные документы о бытовавшей практике демаркации литовско-ливонской границы, свидетельства о пограничных конфликтах, организации польско-литовского войска и его действиях в Ливонии находятся в 4-й, 560-й и 564-й книгах Литовской Метрики. В данной работе были также использованы источники, касающиеся политических взаимоотношений государств Ливонской конфедерации, Ганзы, Ливонского ордена и Великого княжества Литовского, в частности, публикации некоторых договоров Ливонии с Польско-Литовским государством и Россией, сделанные А. И. Филюшкиным и В. Е. Поповым, материалы сборников «Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae», «Elementa ad Fontium Editiones» и «Index Corporis Historico-Diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae».

Методология исследования базируется на методах источниковедения, включающих в себя источниковедческий анализ и синтез, на историко-критическом и компаративном методе, направленных на поиск соответствия между теми или иными документами, а также современной методике изучения

политических культур. При написании настоящей работы были соблюдены принципы научности, историзма и объективности, предусматривающие комплексное изучение процессов, явлений и событий в их взаимосвязи, взаимодействии и развитии неотъемлемо от исторического контекста.

Научная новизна данного исследования заключается: 1) в анализе специфики ливонско-литовских договоров, касающихся проблем пограничья и не получивших должного рассмотрения в историографии; 2) в рассмотрении протекторства как политического концепта, возникшего в рамках имперской правовой практики и как формы взаимодействия Польско-Литовского государства с государствами Ливонской конфедерации, предварявшего её инкорпорацию; 3) в изучении изменения смыслового содержания протекторства в ходе событий 1529-1530 гг. и 1556-1557 гг., а также их использования в ливонской политике польских королей Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа; 4) в исследовании роли герцога Прусского Альбрехта Бранденбург-Ансбахского и архиепископа Рижского Вильгельма Бранденбургского в развитии и реализации отношений протекторства со стороны польско-литовского монарха; 5) в выявлении места военного конфликта Ливонии с Россией в видоизменении сути протекторства и его трансформации в отношении подданства; 6) в подробном анализе первого и второго Виленских соглашений, а также в сопоставлении второго Виленского договора 1561 г. с Краковским договором 1525 г. ПИНГ сопоставления нет, что осуществляется впервые; 7) введение в научный оборот новых документов из GStAPK и RA.

Основное содержание работы

Первая глава диссертационного исследования (*«Особенности развития внешнеполитических отношений Польско-Литовского государства и Ливонии»*) состоит из трех параграфов. Первый из них (*«Договоры Польско-Литовского государства и Ливонии XIV-XVI вв. Проблема границ»*) посвящен рассмотрению отношений между Ливонией и Польско-Литовским государством, в которых важное место занимала проблема границ. Её обострение в XV-первой половине XVI в. Было стимулировано активным хозяйственным освоением приграничной полосы, в которой литовская сторона откровенно лидировала. Результатом того стало продвижение границы на север и оформление так называемой «линии Радзивилла», однако ливонцы, и в первую очередь Ливонский орден, не желали уступать свои земли и расценивали подобные действия как произвол. Все более интенсивные пограничные инциденты составили весьма острую проблему в отношениях между Великим княжеством Литовским и Ливонией. Между тем традиционный метод, связанный с деятельностью совместной комиссии, не приносил значимого эффекта. Предотвращение постоянных локальных конфликтов на границе требовало от польско-литовских государей дополнительных усилий, и наиболее удобным способом решения этой проблемы было утверждение своего контроля над Ливонией посредством вмешательства в ход её внутренней политической жизни.

Второй параграф первой главы (*«Исторические корни протекторства»*), как следует из названия, посвящен длительной истории формирования и развития концепта протекторства польско-литовского государя над государствами Ливонской конфедерации. Его ключевые моменты были связаны с пожалованиями и подтверждениями пожалований этой прерогативы императорами Священной Римской империи, а именно, Генрихом VI Штауфеном, Карлом IV Люксембургским, Фридрихом III и Карлом V Габсбургами, которым она принадлежала в силу их исконного права в отношении Ливонии как «крестоносного государства». Первоначально эта привилегия представляла собой некую формализованную разновидность сеньориальных отношений, патриархальных в своей основе, предполагавших оказание протектором защиты и покровительства в обмен на признание его статуса и полномочий. Первоначально она

не представляла интереса для польско-литовских государей, но, начиная со второй половины XV в. в связи с осложнением внутривосточной обстановки в Ливонии и ее «интернационализацией», т. е. вовлечением иностранных держав, идея протекторства постепенно стала приобретать значение. Тенденция получила развитие в первой половине XVI в., в связи с развитием Реформации в Ливонии и особенно положением дел в Риге, когда польские короли Сигизмунд I Старый и Сигизмунд II Август энергично включились в ход внутривосточной политики с целью вовлечения Ливонии в сферу своего влияния. При этом старинная парадигма, касающаяся польского протекторства над Рижской епархией, оказалась весьма удобным инструментом политического влияния на положение дел внутри конфедерации. Впервые случаи вмешательства польско-литовских государей в разрешение внутривосточных проблем с использованием политико-правового концепта протекторства имели место на рубеже 20-30-х гг. XVI в. в связи с выборами маркграфа Вильгельма Бранденбургского коадьютором и ближайшим преемником архиепископа Рижского Томаса Шонинга. Тем самым был создан прецедент для успешного проведения польской политики в отношении Ливонии.

Третий параграф (*«Ливонский вопрос в политике польско-литовских государей в первой половине XVI в.: предпосылки и мотивирующие факторы»*) посвящен рассмотрению факторов, способствовавших активному включению Польско-Литовского государства в борьбу за Прибалтику. Ливонский вопрос во внешней политике польско-литовских монархов первоначально был нацелен на удовлетворение потребности в территориальном расширении, которая проявила себя в постепенном расширении территории Литвы и смещении границы на север на протяжении XIV-XVI вв. Немаловажным фактором, стимулировавшим активность польских королей в «ливонском вопросе», была необходимость противодействовать России, интерес которой к Ливонии в XVI в. неизменно усиливался, что предопределило необходимость взять ливонские государства под свой контроль прежде, чем это сделает противник, по возможности, избегая вооруженной конфронтации. Присоединению Ливонии к Великому княжеству Литовскому отводилось заметное место в политических расчетах короля Сигизмунда II Августа, касающихся перспектив включения Литвы в состав Польского королевства на условиях подданства. Король, не желавший подобного исхода, намеревался восстановить политический баланс Польши и Литвы, оказав последней поддержку путем предоставления литовской шляхте ливонских портов для вывоза продукции их поместий, а также возможности удовлетворить ее потребности в расширении землевладения и получения должностей за счет гарнизонной службы на территории Ливонии.

Вторая глава настоящей диссертационной работы (*«Подготовительный план инкорпорации»*) также состоит из трех разделов. Первый (*«Прусский фактор». Роль герцога Альбрехта Прусского в ливонских событиях»*) посвящен изучению участия прусского герцога Альбрехта Бранденбург-Ансбахского в развитии и трансформации концепта протекторства над землями Ливонской конфедерации. Первоначально Альбрехт, также являвшийся протектором Рижского архиепископства, пытался самостоятельно воспользоваться своим правом в целях укрепления личного влияния в Ливонии, однако его сюзерен, Сигизмунд I, перехватил политическую инициативу, выступив в качестве единственного протектора и использовав свой статус для того чтобы принять непосредственное участие в разрешении коадьюторского вопроса в Рижском архиепископстве, поддержав выгодного для себя кандидата вопреки желанию Ордена и ливонских сословий. Это стало первым шагом к распространению влияния Польско-Литовского государства на ливонские земли, однако на тот момент проблема инкорпорации ливонской территории в состав Польско-Литовского государства еще не стояла, причиной чему, вероятнее всего, была неподходящая политическая обстановка, связанная с последствиями заключения в 1525 г. Краковского договора и инкорпорации Прусских

земель в состав Короны Польской.

Второй параграф второй главы (*«План инкорпорации»*) посвящен процессу формирования сценария осуществления инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства. В значительной мере этот процесс был связан с личностью уже упомянутого герцога Альбрехта, а также его брата, рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского, стремившегося путем реализации прав покровительства со стороны Ягеллонов обрести защиту от нападков Ордена, участвовавших при магистре Генрихе фон Галене, и за счет этого укрепить свои политические позиции в Ливонии. План прусского герцога заключался в назначении на должность рижского коадьютора урожденного немецкого князя, что шло вразрез с постановлениями Вольмарского ландтага 1546 г. и должно было спровоцировать Орден на агрессию против рижского архиепископа, в защиту которого, опираясь на древнее право покровительства, должен был выступить Сигизмунд II Август с целью укрепления своего влияния внутри Ливонии и разрешения территориальных споров, обострившихся к середине XVI в. Таким образом, идея ликвидации Старой Ливонии, впервые проявившая себя после заключения Краковского договора 1525 г., в 50-е годы XVI в., приобрела вполне конкретные черты, и одну из главных ролей в этом процессе сыграл политико-правовой концепт протекторства.

Заключительный раздел третьей главы (*«Проблема протекторства в контексте «коадьюторского дела»*) описывает события известной «войны коадьюторов», ставшей закономерным результатом манипуляций Вильгельма с коадьюторской должностью. Внутренняя война обнажила кризис Ливонского ордена, а вмешательство Сигизмунда II Августа как протектора Рижского архиепископства и заключенный 14 сентября 1557 г. Позвольский договор хоть и не привели к немедленной инкорпорации, но заложили начало крушению Ливонии как самостоятельного государства. Конфедерация разделилась на сторонников архиепископа, поддерживавших политику сближения с Польско-Литовским государством, и сторонников магистра, более тяготеющих к Москве. Одновременно с этим, были нарушены ранее заключенные договоренности с Россией, что вкупе с выдвинутым в 1554 г. Иваном IV требованием уплаты «юрьевской дани» придавало «московитской угрозе» всё более реальные очертания.

Последняя глава диссертационного исследования (*«Вторжение московитов». Начало Ливонской войны»*) рассматривает дальнейшее сближение Ливонии и Польско-Литовского государства в контексте начавшегося в январе 1558 г. военного столкновения России и Ливонии, переросшего впоследствии в Ливонскую войну. Первый параграф посвящен анализу изменившейся политической обстановки вследствие «январского похода» войск Ивана IV и последующим включением России в борьбу за ливонские земли. Возможности Сигизмунда II Августа эффективно воздействовать на ситуацию в Ливонии оказались ограничены угрозой его владениям, исходящей не только со стороны сильной и централизованной России, но и с юга, со стороны Крыма. В дополнение к этому остро обозначился финансовый дефицит и необходимость создания соответствующей мотивации к участию в ливонских событиях для польско-литовского дворянства. Кроме того, для введения в Ливонию польско-литовского военного контингента требовалось убедительное правовое обоснование, в отсутствие которого подобная акция воспринималась бы как территориальная экспансия, что осложнило бы Польско-Литовскому государству последующие дипломатические маневры и ограничило возможности кооперации с его потенциальными союзниками в Ливонии и за её пределами. Путем решения этой проблемы стало обращение польского короля к концепту протекторства и его адаптация к изменившимся геополитическим реалиям.

Второй параграф третьей главы (*«Последний этап политики инкорпорации. Первый Виленский договор»*) посвящен рассмотрению заключенного в 1559 г. в Вильно договора, распространившего право

протекторства Сигизмунда II Августа на всю территорию Ливонии и обозрению сопутствующего заключению исторического контекста. Не добившись бескорыстной помощи против России от соседних держав, Ливония оказалась один на один с крупным, военизированным, политически, религиозно и культурно чуждым ей государством, самостоятельно противостоять которому не представлялось никакой возможности. В связи с этим большая часть ливонских сословий обратилась к Польско-Литовскому государству, согласившись на частичное подчинение в обмен на предоставление военной помощи против войск Ивана IV. Сигизмунд II Август, в свою очередь, получал столь необходимую мотивацию для привлечения к «ливонскому делу» широких слоев шляхты, а также убедительное правовое обоснование для прямой экспансии, завуалированной под реализацию древнего права протекторства, что было важно для придачи законности собственным действиям как в глазах ливонцев, так и в глазах других государств, в особенности Священной Римской империи и России. Тем самым было положено начало утверждению Сигизмунда в Ливонии в качестве не покровителя, но полноценного государя.

Темой заключительного параграфа третьей главы («*События 1559-1560 гг. Второй Виленский договор*») является окончательная трансформация отношений покровительства, связывающих Сигизмунда с ливонскими землями, в отношения подданства. Подписание первого Виленского договора предоставило польско-литовскому государю правовое поле для развития своей политики в Ливонии, однако опрометчивые действия неминуемо бы привели к военному столкновению с Россией, что было крайне нежелательно. Этот период характеризуется напряженной работой дипломатии, осложненной вмешательством в ливонский конфликт таких держав как Швеция и Дания. Вдобавок, скромные объемы оказываемой Сигизмундом помощи вкупе с уклонением от активных боевых действий против сил Ивана IV, резко контрастировали с изначальными ожиданиями ливонцев касательно оказываемой протекции. Возможность того, что ливонские сословия обратятся к другому государю, подогретая конкуренцией со стороны держав-участниц Ливонского конфликта предопределила для Сигизмунда необходимость создания более тесной связи, что было сделано путем окончательной утилизации протекторства и его преобразования в отношения подданства.

Если рассматривать все три договора – Позвольский и два Виленских – в комплексе, то становится очевидна их взаимосвязь, проявившая себя в последовательной реализации внешнеполитических амбиций польско-литовского монарха, направленных на утверждение своей власти в Ливонии. Позвольский договор укреплял властные прерогативы лично Сигизмунда, как протектора, а также позиции его сторонников; параллельно с этим он был направлен на пресечение вероятного сближения Ливонии с Россией. На базе этого договора и прав Сигизмунда II Августа как протектора, в соответствии с актуальной на тот момент военно-политической повесткой, был заключен первый Виленский договор, распространивший право протекторства на всю территорию Ливонии, что предоставило Сигизмунду пространство для дальнейших действий, а также, что немаловажно, инструмент мотивации для привлечения к событиям в Ливонии широких слоев литовской шляхты. Второй Виленский договор стал логическим завершением «ливонского дела», юридически закрепившим окончательную трансформацию древнего права протектората в отношения подданства и переход Ливонии под власть Сигизмунда II Августа.

В *Заключении* приведены основные выводы по результатам настоящего диссертационного исследования. Комплексное использование малоизвестных зарубежных архивных фондов вкупе с обширными материалами современной и классической историографии, позволяют качественно расширить и углубить наше понимание событий развернувшейся в XVI в. «битвы за Балтику». Изучение процесса инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства, которая имела место на начальном этапе Ливонской войны, важно, поскольку способно расширить представления о механизме формирования

государств имперского типа, характерных для Европы раннего Нового времени.

Исходя из содержания правовых документов, императорских постановлений и договоров XIV-XV вв., касающихся протекторства, можно сделать вывод, что первоначально отношения протекторства представляли собой разновидность сеньориальных, в основе своей патриархальных, отношений, которые предусматривали оказание протектором помощи и защиты подопечному государю и его подданным в обмен на признание за ним этого звания и соответствующих полномочий. Этот статус был дарован польским королям (а впоследствии и великим князьям Литовским) наряду с некоторыми другими государями императорами Священной Римской империи и папами в рамках средневекового обычая, делавшего возможным делегирование сюзереном своих прерогатив другому лицу. Тем самым создавался правовой фундамент для последующего вмешательства польско-литовских государей во внутренние дела Ливонии на правах гаранта прав одного из её государей и обеспечивало им роль арбитров в сложных внутривосточных ситуациях. Представление о правителях Польши как о протекторах Рижской епархии было зафиксировано в рамках правового поля Священной Римской империи уже в середине XIV в., однако приобретать все большее значение оно стало лишь по мере нарастания противоречий между рижскими епископами и Орденом во второй половине XV – первой половине XVI в.

По мере своего развития сущность протекторства видоизменялась под влиянием актуальной политической повестки, постепенно расширяя область своего применения и пополняясь рядом новых властных прерогатив, что позволило впоследствии успешно применить этот политико-правовой концепт в качестве инструмента инкорпорации ливонских земель в состав Польско-Литовского государства. Таким образом использование статуса протектора Рижской епархии, а затем и всей Ливонии, обеспечило притязаниям Сигизмунда Августа необходимую идеолого-правовую базу, в рамках которой ему удалось привязать к себе ливонских ландсгерров и сословия отношениями защиты и покровительства, характерными для Средневековья, вслед за чем использовать обстоятельства, связанные с обострением внутривосточных политических противоречий и началом Ливонской войны, для трансформации отношений протекторства в отношения подданства.

Список публикаций Д. А. Бессуднова по теме диссертации:

Статьи по теме диссертации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Бессуднов Д. А.* К вопросу об обороноспособности Ливонии накануне первой военной кампании Ливонской войны // *Общество, среда, развитие.* №4 (33). СПб., 2014. С. 38-40.
2. *Бессуднов Д. А.* Проблема географического положения ряда московитских крепостей на русско-литовском пограничье во второй половине XVI в. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология.* № 19 (216), вып. 36. Белгород, 2015. С. 73-76.
3. *Бессуднов Д. А.* Коммуникация в приграничье: литовско-ливонская дорога в XVI в. по материалам личного архива прусского герцога Альбрехта Бранденбургского (к постановке проблемы) // *Историческая и социально-образовательная мысль.* Т. 8. № 4/1. Краснодар, 2016. С. 55-59.
4. *Бессуднов Д. А.* Генезис и трансформация прав протекторства Польско-Литовских государей над землями Ливонской конфедерации // *Самарский научный вестник.* Самара, 2017. Т. 7. № 1 (21). С. 144-149.

Статьи в периодических сборниках и изданиях:

1. Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. // Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. Т.4. Одесса, 2012. С. 540-542.
2. Бессуднов Д. А. Государственный суверенитет Ливонии середины XVI в. в контексте представлений Ивана Грозного о характере царской власти // Чичеринские чтения. Государственный суверенитет в системе многосторонних мирополитических связей: материалы международной научной конференции. Тамбов, 2012. С. 96-98.
3. Бессуднов Д. А. К вопросу об отношении к началу Ливонской войны ближайшего царского окружения. // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2012. С. 15-16.
4. Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских источников. // Третья Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция. Доклады и сообщения. СПб., 2013. С. 38-41.
5. Бессуднов Д. А. Организация обороны Ливонии в период первой военной кампании Ливонской войны (январь-февраль 1558 г.). // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб, 2013. С. 117-120.
6. Бессуднов Д. А. Первая военная кампания Ливонской войны в свете отечественных и зарубежных источников. // Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии. Т.5. Одесса, 2014. С. 335-337.
7. Бессуднов Д. А. Первая военная кампания Ливонской войны в свете источников из Тайного государственного архива прусского культурного наследия // Alternatives, turning points and regime changes in russian history and culture. Budapest, 2015. С. 38-44.
8. Бессуднов Д. А. Враг моего врага: политическая позиция ландмаршала Яспера фон Мюнстера накануне Ливонской войны // Křižovatky Slovanů. Praha, 2015. С. 147-152.

Кроме того, апробация результатов исследования проводилась на научных конференциях в университетах Санкт-Петербурга («Курбатовские чтения»), Праги («Konference mladých slavistů»), Будапешта («Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России»), Одессы («Одесские чтения»), Воронежа, Липецка, Рязани, Тамбова, Могилева и Полоцка в период с 2012 по 2017 год.

